

The background of the cover is a desolate, red planet landscape. In the foreground, a large, metallic, spherical spacecraft module lies on its side, partially buried in the red sand and rocks. The module has several circular portholes and a weathered, metallic surface. In the background, a massive, smooth, red structure, possibly a part of a larger space station or a natural geological formation, rises against a pale, hazy sky. The overall color palette is dominated by various shades of red and orange, creating a sense of isolation and danger.

А.А. Вознин

Collectio

18+

Андрей Андреевич Вознин

Collectio

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69486925

SelfPub; 2023

Аннотация

Сборник фантастических рассказов. Космические бои, постапокалипсис, приключения, юмор. Рассказы с разнообразными сюжетами и на разные вкусы.

Андрей Вознин

Collectio

Наследник

Три дня ожидания в бесконечной очереди позволили хорошо рассмотреть все картины, развешанные по стенам коридоров. Мне понравились круги и спирали. Треугольники выглядели угрожающе, а квадраты и более сложные фигуры вызывали переутомление обилием углов. Жена была в восторге от точек и прямых линий. Что, впрочем, и неудивительно, учитывая её умственные способности. Вернее сказать, их отсутствие.

Наконец подошёл и наш черёд сделать шаг в новую жизнь. Кабинет, куда мы, едва сдерживая волнение, вошли, воистину был огромных размеров. Там легко помещались стол, кушетка и пара шкафов, набитых бумагами и пластиком карточек. И барышня-врач. Мы с женой переглянулись, видимо одновременно подумав о нашей уютной комнатке в бараке. Сели на предложенные табуреты.

– Приветствую, я ваш консультант-генетик и помогу сформировать облик будущего ребенка.

Я хитро подмигнул жене – у нас он был детально продуман ещё в те давние времена, когда только подали заявку на сертификат. А сколько счастливых вечеров проведено за об-

суждением первенца!

– Во-первых, определим ваш социальный статус.

Врач взяла сканер и быстро считала наши штрихкоды.

Посмотрела в компьютер, что-то набрала, кивнула сама себе.

– А теперь, – барышня передала несколько красных пластинок с гербами-титулами, – выберите знак статуса для ребёнка.

Эх! Красота какая! Я с завистью посмотрел на гербы. Ещё совсем недавно печатали только примитивные чёрно-белые штрихкоды, а тут сразу можно выбирать из более трех вариантов. Наследник будет гордо носить свой знак с самого рождения. Жена попыталась завязать небольшой спор, но я пресёк попытку в зачатке: как-никак мужчина здесь один, и мне виднее, с каким знаком статуса на лице сыну комфортнее будет жить. Всё-таки молодёжные группировки и всё такое. Правда, взамен пришлось пообещать, что женские украшения для дочери – тьфу-тьфу, заявка лежит уже три года – она выберет единолично. Небольшие крылышки настроения благодарно затрепетали на её скулах.

– Та-ак, основные физические параметры уже заложены в карте статуса и являются опциями по умолчанию. Можете выбрать уровень интеллекта.

Супруга залилась румянцем на вживлённом в запястье экране коммуникатора:

– А какой диапазон разрешён?

Врач быстро глянула в обходную карту:

– Любой. Красного спектра.

– Тогда, оранжевый, – жёстко, словно отрезал, ухнул я.

Всегда мечталось, чтобы мои дети были умнее родителей.

– Имейте в виду, что завышенный ай-кью в пубертатный период может послужить причиной неврологической симптоматики и даже привести к преждевременному суициду. Конечно, выбор интеллекта – это одна из защищаемых государством свобод гражданина, но стоит и прислушаться к неутешительной статистике детских самоубийств в корреляции с ай-кью.

Незнакомые слова сбивали с толку, но всё-таки интуитивно догадался, что лишние мозги только помешают счастливо прожить трудовую жизнь до священного ритуала окончательного решения пенсионного вопроса.

Жена загрустила, тихо смахивая крылышками капельки, сочащиеся из уголков её бордовых глаз.

– У вас неограниченный выбор по дополнительным физическим параметрам – структура волос, черты лица. Каким спортом будет заниматься сын?

– Бокс, как и его отец, – скромно пояснил я, продемонстрировав уродливый, разбитый в хлам ещё в юношестве кулак.

– Значит, усилим лобную кость, надбровные дуги, нос углубим в череп, изъяв хрящевые составляющие. Укрепим кистевые суставы. Ещё?

– Ноги должны быть короткие с мощными бедренными мышцами, для хорошей тяги, и широкими ступнями полу-метрового размера, для лучшего сцепления с поверхностью. На ладони желательна кожа покрепче. – Я показал свою огромную, как лопата, ладонь, всю в толстенных мозолях.

Я надиктовывал, а врач, не отрывая от монитора левую пару глаз, быстро печатала тонюсенькими, словно тростиночки, пальчиками.

– А возможно нарастить на спине тройной слой кожи? – вспомнил недавнюю гонку за планом я.

Врач перевела на меня все свои пары жёлто-зелёных глаз, макияжные антеннки изящных усиков на голове при этом замысловато свивались, отвлекая внимание. Всё-таки эмоциональные крылышки жены мне нравились больше.

– Не поняла, – заглянула в стат-карточку, – Отрасль – энергетика, профессия – крутящий? Это что такое?

– Хм, как вам объяснить. – Я почесал шею. – В турбинном зале стоит вертикально ротор, вставляешь в него персональную вымбовку и вращаешь.

– А-а-а, поняла. – Быстро пролистала что-то в компьютере. – Спина же используется для стимулирования выработки энергии? Нет, не могу. Показатель спинного эпидермиса низовых работников энергостанций регламентирован ГО-СТом.

Я повёл плечами. Чёрт бы побрал эту промышленную безопасность, всё-таки кнут нашего помощника главного энер-

гетика был излишне жёсток. Лучше бы на него ГОСТ установили.

– А теперь, смотрите. – Врач торжественно щёлкнула пальчиком по клавиатуре, и над поверхностью стола прямо в воздухе проявилась небольшая светящаяся фигурка нашего малыша.

Жена тихо застонала, я смахнул слезу. Сынуля будет красив.

Когда вышли из территориального Центра планирования семьи, сокращённо – "Террария", жена плакала. Я приобнял её за мягкие, как подушка, плечи. Мы оба были счастливы. Прекрасному миру – прекрасные дети.

Всего лишь один из...

Хрясть! От пропущенного удара в голову картинка перед глазами внезапно раздваивается. Фигура соперника, замершего напротив, смазывается, теряя чёткость. И крики зрителей доносятся теперь словно через мягкую подушку. Ну, всё... Поплыл. Колени предательски подкашиваются, и я, со-

бравшись, пытаюсь максимально дистанцироваться от столь агрессивного оппонента. Куда там! Тот, чувствуя, что последний удар достиг цели, резко переходит в атаку. Хрясть...

– Марко, расскажи, что минуло за эту неделю?

Заслышав вкрадчивый голос исповедальника, я поднимаю голову. Стоять на коленях тягостно и больно, но как всегда приходится смиряться с неудобствами обязательного обряда... Еженедельного обряда.

– Падре. В часы общественной деятельности я работал в оранжереях – поливал всходы во второй, боролся с вредителями в девятой, собирал урожай в четвёртой и пятой...

Пока я, как на духу, перечисляю загруженность своих трудней, упитанный исповедальник важно кивает головой, покрытой широкополой шляпой. И каждый кивок ощущается мною таким лёгким дуновением с едким запахом чеснока.

– Падре, мне вот только непонятна причина прекращения раздачи сухих стеблей лебеды...

– Это временно. Весь текущий урожай пошёл на оплату воды и энергии. Необходимо только немного потерпеть...

Призрачная подушка истончается, и боле не вязнущие в ней крики врезаются в сознание. Открываю глаза. Соперник, перестав пугающе двоиться, бьёт в сторонке «копытом» в ожидании решения. Увидав, что я очнулся, судья наклоня-

ется и тихо спрашивает:

– Готов продолжить?

Остаётся только кивнуть в знак согласия головой. Я ни для того упорно тренировался весь последний месяц, чтобы безвольно слить финальный бой.

Облачение противника даже не стоит и сравнивать с моим. Чувствуется профессиональная подготовка третьего яруса – защита выглядит довольно приличной копией доспехов Первого Рыцаря. Мой же стёганный реглан из мешковины и шлем из скорлупы кокосового ореха почти не сдерживают мощных ударов коротким обрезком трубы. Но сдаваться не хочется, и очередной пропущенный удар снова отправляет на встречу с нирваной...

Предсказание Оракула застало всех врасплох. Последние несколько циклов он себя никак не проявлял, и уже начало казаться, что Чудовище за пределами наконец-то навсегда угомонилось... Во всяком случае, хотелось в это верить.

– Марко. Ты готов сразиться? – Исповедальник смотрит на меня добрыми глазами.

Подпрыгиваю от неожиданного вопроса. Я? С Чудовищем? Исповедальник слегка улыбается самыми краешками губ, и я ощущаю лёгкое чесночное дуновение.

– Неужели я смогу встать в один ряд с Героями?

– Конечно. Они родились такими как и ты – простыми ребятами. Но когда обстоятельства потребовали, они стали те-

ми, кем их все знают. А ты лучшая кандидатура от нулевого яруса...

Мы шагаем вдоль длинной аллеи Героев. Каждого знаю по имени. Но кто бы мог представить, что я смогу однажды на равных встать с ними в один ряд? Вот он тот редкий шанс прославиться!

Дойдя до конца, останавливаемся перед стеклянным саркофагом, где лежат доспехи Первого Рыцаря. Изрядно поношенные, кое-где с залатанными дырами. Шлем сильно помят от удара – говорят, что во время первого столкновения с Чудовищем...

Собрав все свои силы, встаю. Лица противника за забралом не видно, но я просто физически ощущаю его самодовольную ухмылку. Во взаимном обмене ударами мне долго не протянуть – ещё пара пропущенных в голову и сорванный шлем зафиксирует чистое поражение. Надо что-то срочно придумывать. И хотя правая рука пока слушается, делаю вид, что травма не даёт возможности ею свободно управлять. Припадая на левую ногу, иду по кругу, удерживая дистанцию. Ни единой мысли, как побеждать. Остается надеяться только на чудо. Которого может и не случиться...

Резко разорвав дистанцию, противник обрушивает на мою, и без того пострадавшую, голову очередной удар. Хрясть! Шлем разваливается на две половинки, лишь чудом повисая на ремешке. Опять перед глазами всё плывет, и уже

толком ничего не соображая, что есть дури тычу своим шестом прямо перед собою. Некоторое время ещё жду фатального удара, но... Когда пелена немного спадает, вижу согнувшегося от боли соперника. Судя по всему, шестом попал ему прямо в пах. И то ли защитная пластина ушла в сторону пока тот мутузил меня, то ли и не было её там никогда, но только результат слепого удара оказался на редкость эффективным. Более не мешкая, наносу выверенный удар по шлему. Тот слетает с головы, а противник падает на холодный металл палубы...

Мы сидим с Нелли обнявшись в дальнем углу одиннадцатой оранжереи. Поздний вечер, дежурная смена давно разошлась по своим каютам, и нам никто не мешает. Уже включено ночное освещение, и ухоженные ряды растений расходятся от нас, теряясь в полумраке. До зрелости плодов ещё далеко, и они висят на ветках, дразнясь зелёными боками. Нелли аккуратно трогает мои синяки и шишки, пытаюсь облегчить боль. Но мне сейчас плевать на раны, полученные в финальном бою – уже через три дня я шагну через ворота за пределы и встречу с настоящим противником. А если не вернусь, мой бюст в полном облачении продолжит вереницу на аллее славных Героев.

– А нельзя отказаться? – Нелли настойчиво гнёт свою, чисто женскую, линию.

Ей плевать и на Героев, и подвиги.

– Ты соображаешь, что говоришь? – начинаю привычно возмущаться такой недалёкой позицией подруги, – Когда ещё выпадет такой шанс? Оракул последний раз звал, когда мне было десять циклов. И я помню последнего Героя. Как его провожали всем поселением, как долго ждали возвращения. Как дружно ставили очередной постамент... Даже не думай. Я не откажусь!

Нелли молчит, отвернувшись, только поникшие плечики тихонько вздрагивают. Но мужчинам не пристало поддаваться на женские капризы. И я лишь нежно обнимаю её, пытаюсь успокоить.

– Говорят, что это не битва, а жертвоприношение, – совсем тихо бормочет она.

Ухмыляюсь на её архаичную дурь. Эти бредни уже давно распускаются слабаками, чтобы оправдать свой животный страх перед неизвестностью. Их слушать, себя не уважать.

– Ну, ты даёшь! – иронично восклицаю, пытаюсь отвлечь её от мрачных мыслей. – Услышать такое от дочери Падре...

Спать совсем не хочется, учитывая, что совсем скоро, возможно, и так усну навеки, оставив на память о себе лишь холодное, глиняное изваяние. Неожиданно Нелли резко оборачивается и, прижавшись ко мне всем телом, жарко целует...

Пока я примеряю новые доспехи, исповедальник читает молитвы. Ладно хоть не за упокой. Честно говоря, веры во

мне нет и на маленький пучок петрушки, но я чту священную традицию многих поколений. Что бы кто ни говорил. Большею частью помалкиваю и лишь иногда – а вдруг? – повторяю за пастором:

– Амен...

Последнее время в оранжерее я уже не работаю, лишь круглосуточно тренируюсь. Кормят, как на убой, и кажется, что за последние дни съел столько же, сколько за всю свою предыдущую полуголодную жизнь.

Новенькие доспехи мне не нравятся – тяжелы, сильно ограничивают движения, в них я становлюсь неповоротливым как улитка. Несколько прошитых слоев мешковины топорщатся складками, мешая свободно двигаться. Шлем из круглого металлического бачка весит добрых пяток килограмм, а сквозь узкие прорези ни чёрта не видно.

– Падре, можно мне без доспехов? Ну, или хотя бы в своих старых, только шлем из скорлупы восстановить, – обращаюсь к исповедальнику, что руководит моим облачением.

– Нет! – излишне резко отвечает он. – Врата откроются только если на Герое надеты латы, похожие на доспехи Первого Рыцаря.

Я лишь вздыхаю. В своих старых-то не сказать, что было удобно сражаться. А в этих, да ещё с таким неуклюжим и совершенно лишним горбом на спине. Повожу плечами. Неудобно-то как. Чёрт!

– Амен...

Иду прощальным кругом по поселению. Ещё один обязательный ритуал. Коридоры узки, а трапы неудобно круты, и в своих громоздких латах, как объевшаяся травой гусеница, еле ползу. Все жители высыпали в коридоры, трогают меня руками, приветственно кричат вслед, а я потею и, почти ничего не видя через шлем, лишь чертыхаюсь про себя. Слава богу, само поселение совсем небольшое и занимает только три яруса жилых палуб да хозяйственный ангар с оранжереями. Говорят, когда-то давным-давно, за сотню циклов назад, имелись свободные проходы и в иные поселения, но Чудовище перекорёжило всё, и только Первый Рыцарь ценной своей жизни смог спасти наш аграрный отсек от полного уничтожения. А теперь я повторял этот путь. На встречу с Чудовищем.

Врата за пределы... Огромные. Без лишних барельефов и украшений. Лишь холодный гладкий пластик. Провожающие все остались за поворотом. Сюда доступ имеют только посвящённые и Герои. Исповедальник хлопает напоследок по плечу и пальцем показывает на дьявольский символ над вратами. Когда он, подхватив полы сутаны, быстро уходит, я жду положенные сто ударов сердца и нажимаю на небольшой рычаг справа. Поддаётся он с трудом. Когда же опускается до упора, сверху вспыхивает оранжевая лампа, подмигивая короткими импульсами, словно приглашает меня вой-

ти в распахнувшуюся створку. И я делаю осторожный шаг. Другой. Оказываюсь в совсем небольшом помещении. Тот же ровный пластик стен, а впереди ещё одни ворота. Последние. И гораздо массивнее первых. Голый металл. Через такие ни одна тварь не в силах пройти. И это радует. За спиной проход закрывается, отрезая меня от людей.

– Неисправность блока связи тысяча двадцать. Для устранения необходим выход ремонтника через шлюз номер шестьсот шестьдесят шесть. – Неожиданно слышу голос Оракула. В поселении с ним может общаться только исповедальник. И я воспринимаю это гласом Бога, напрямую благословляющего меня на битву.

Коротко взывает банши, предупреждая о близком присутствии Ада. Угрожающе красным мерцает панель сбorky, по ней стремительно бегут непонятные символы, горло перехватывает от страха, и я перестаю дышать. Повсюду оглушительный свист демонов, что призывают Чудовище... Или скорее самого Дьявола. И мощная створка предо мною неожиданно откатывается в сторону. Крепче сжимаю тяжёлый обрезок трубы – я полностью готов к битве...

В первое мгновение вижу перед собою лишь чернильную тьму. Делаю шаг. Другой. Уже на самом пороге понимаю, что не могу дышать, словно воздух неожиданно исчез. На чёрном полотне прямо передо мною неисчислимое множество бусинок холодных глаз. И они буквально впиваются в меня. Жгучая боль. Чувствую, как тысячи невидимых коготков на-

чинают заживо сдирать кожу, и латы бессильны им противостоять. Что-то легко подталкивает в горб на спине, и я за просто вылетаю навстречу своре демонов. Кажется, что даже пространство вокруг высасывает из меня жизненную силу. Яркий луч света над проёмом врат выхватывает из темноты свободно парящие неподалёку фигуры в доспехах. Это же... Все наши Герои замороженными статуями медленно кружат вокруг огромной туши металлического Левиафана, чрево которого я только что покинул. Но угасающее сознание уже не в силах ничего понять. Молча занимаю достойное место среди павших...

Дознание

Штормовой ветер гнал перед собою тучи радиоактивного песка, мёл его по пустынным улицам вдоль заборов, упавших в разросшийся чертополох, скрёбся в обветшалые фасады перекошенных зданий, бросал колючие пригоршни в закрытые ставни. Казалось, радиация выжгла здесь всё живое, и ничто более не в силах вернуть утраченное когда-то.

Только запустение и разруха повсюду. Но вопреки всему город продолжал жить. Дома ещё укрывали за сохранившимися стенами немногочисленное население, на огородах цеплялись за землю чахлые растения, одинокий колодец давал, пускай, мутную, но вполне питьевую воду.

В этот полуденный час, несмотря на песчаную бурю, горожане дружно собрались на центральной площади. Кутаясь в длинные грубые плащи, прикрываясь от обжигающего песка шляпами и платками, молча стояли чуть поодаль от пяти высоких каменных стел, где прикованные цепями две молоденькие девушки и троица парней иногда подавали слабые признаки жизни. Обнажённые тела пленников, предоставленные на три дня в распоряжение Солнца и ветра, покрывали ссадины и струпья. Отсутствие пищи и воды довершало богоугодное дело в отношении порождений самого Сатаны. И когда резкие порывы ветра, завывая, ометали верхушки стел, казалось, что это хохочет сам Хозяин Преисподней.

Горбатый пастор в длинной до пят сутане выбрался из молчаливой толпы и, припадая на левую ногу, проковылял мимо стел. Его одинокий глаз выглядывал из-под капюшона, осматривая нагие тела. Первым делом горбун остановился у крайней правой девушки. Грозно потряс посохом, увенчанным двумя сплетающимися змеями. Завладев вниманием, обратился к горожанам:

– Волею Отвернувшегося, объявляю дознание!

По толпе покати́лась живая волна: все разом зашевелилась, закричали и заулюлюкали, толкая друг-друга.

Под одобри́тельный гул пастор повернулся к пленнице. Она, как и все прикованные к стелам, была без сознания, не воспринимая творящееся вокруг. Полностью обнажённое тело бессильно висело в цепях. Некоторое время горбун словно чего-то выжидал. Затем выпростал из-под сутаны уродливую лапку, имевшую лишь пару пальцев, и схватил пленницу за длинные волосы. Резко дёрнув на себя, осмотрел внимательно её голову.

– Чиста лицом!

Горожане дружно замычали и закричали вслед:

– Чисто!

Горбун сцапал правую руку девушки, оглядел и грубо дёрнул вверх:

– Пять!

Из толпы вверх потянулся редкий частокол из правых рук – немногие из горожан смогли похвастаться их наличием, и мало у кого число пальцев соответствовало числу:

– Пять!

С левой рукой процедура в точности повторилась – как у пастора с девушкой, так и у зрителей, счастливых обладателей левых рук. Не у всех они, конечно, были такие же прямые и красивые, как у гости... Далеко не у всех.

Процесс дознания продолжался – пастор, тяжело навалившись на посох, склонился, осмотрел стройные ноги гости,

не утратившие своей красоты за эти дни, проведённые на столбе:

– Правая – пять! Левая – пять!

Благодарные свидетели дознания дружно заревели:

– Пять и пять!

При этом каждый присутствующий, в большинстве своём стоящий хотя бы на одной собственной ноге, попытался задрать имеющуюся конечность... У кого она оказалась единственной, начали падать, роняя костыли и увлекая за собой соседей. Пока толпа хохоча разбиралась с общей кучей-малой, ведущий дознание схватил девушку за грудь:

– Две!

Настала пора хватать за груди соседок:

– Две!

Наличие у многих представительниц женского пола трёх и больше грудей, позволило поучаствовать в этом захватывающем процессе сразу нескольким мужчинам, очень кстати оказавшимся рядом.

Пока горожанки громко пищали, а мужики хохотали в голос, пастор, сунув на мгновение руку между ног пленницы, высоко поднял и прокричал:

– Чисто!

Сдавленная толкотня и крики:

– Чисто! – Были ему дружным ответом. И на этот раз звонкие женские голоса заглушили остальные, в том числе и дикие завывания ветра.

Толпа заревела вслед:

– Не прошла дознание! Дьявол господин её!

Осмотр пленённых продолжился в той же незамысловатой последовательности, но с некоторыми вариациями, благодаря половым различиям скованных. У парня с крайней стелы неожиданно обнаружились клешнеобразные ступни, и горожане встретили это довольными криками:

– Воистину, Божье создание!

К счастливчику быстро подковыляло несколько самых дееспособных жителей и кое-как расковали обессиленное тело. Схватили за руки и волоком оттащили в сторону.

Пастор, закончив осмотр, окинул единственным глазом вновь притихшую толпу. Встречая его злобный взгляд прихожане покорно склоняли головы.

– Братья и сестры! Спасение! Спасение в наших руках! Не устрашимся властителя порока, что ни на секунду не закрывает адских глаз своих, а его легионы... – Пастор ткнул в пленников своей уродливой клешнёй. – Всё пребывают и пребывают в обитель человеческую. До Апокалипсиса мы были слепы и невинны, как дети, допуская их присутствие рядом с собою. А когда они заполонили наши города, было уже поздно. Мы не смогли защитить дарованный нам божественные образ и подобие, легко предоставляя священный дар мёртвой материи. И Отец наш отвернулся от детей своих. И пришло наказание – карающий огонь сошёл с небес, а божественный ветер довершил начатое им. Но и в гневе Его

присутствовала милость – и пометил Он оставшееся человечество своей печатью. И только порождения тьмы остались неизменны...

Присутствующие хмуро внимали речам.

– И вот, нам даны глаза, чтобы видеть сокрытое сатанинскими покрывами. Дано орудие, чтобы карать сатанинское отродье. Мы непреклонны в своей вере...

– Непреклонны! – дружно подхватили молчавшие всю проповедь горожане.

– Не допустим в наш город порождения источника лжи и порока...

– Не допустим! – неслось с завываниями ветра по пустынным улицам.

– И обратит Отец наш вновь свой взор отвращённый на истинных детей своих...

– На детей своих! – От былой угрюмости жителей не осталось и следа.

И пленникам единогласно вынесли вердикт:

– Предать очистительному огню!

С песнями и молитвами таскали дрова, раскладывая вокруг стел. И разожгли четыре огромных костра...

Огненные объятия пламени, раздуваемые ветром, быстро окутали пленников, и все они безжизненно обвисли, когда шипящая и оплывающая плоть начала спекаться на костях. Как только затих адский вой осужденных, в костры полетели напалмовые шашки, и огонь стал нестерпимо ярок и обжи-

гающ...

Пепел ещё только остывал, иногда вспыхивая зловещими огнями, а пастор под напряжённое молчание уже ворошил четыре костровища... И в одном обнаружился блок управления с остатками спёкшегося позитронного мозга. Трясущиеся руки подхватили щипцами небольшой обгорелый шар и торжественно подняли над головой:

Ещё одно порождение Сатаны отправилось к своему господину. День, когда Бог снова повернётся к своим неразумным созданиям, дерзновенно попытавшимся повторить его творение, стал ближе!

Горожане счастливо заголосили:

– На-ста-нет день, и Он снова-а обра-атит взор на истинных детей сво-их!

...

Поздним вечером в дом пастора тихонько постучал супервайзер региона. Впуская гостя, хозяин бросил внимательный взгляд на пустынную улицу и быстро затворил дверь. Вошедший по-свойски сразу прошёл в светлицу и сел на кривой табурет у стола. Его приятная наружность резко контрастировала с гарпия-образным хозяином.

Горбун задул свечку у образа и вывалил на стол из мешка небольшие обгорелые шары:

– Шесть блоков за месяц.

Визитёр брезгливо осмотрел товар:

– Какого дьявола! Сколько раз говорено – не надо их об-

жигать. Продукт существенно падает в цене.

Единственное око вперилось в чистое гладкое лицо:

– Это наши местные традиции, и не вам их менять.

– Ну, как хотите. – Супервайзер безнадежно пожал плечами и отсчитал стопку монет.

Бросил блоки в холщовую сумку и, кивнув, вышел. Пастор пересчитал монеты, спрятал под половицу и снова зажёг свечу. Постоял у образа. Ни к месту припомнились сожжённые "гости".

– Врачи, б..., – хмыкнул горбун и, что-то счастливо напевая себе под нос, лёг спать.

Техно-войны

Игральные кости затейливо подпрыгивают на истёртом линолеуме палубы, никак не желая складываться в нужные комбинации. Отбой прозвучал около часа назад. Однако партия, начатая задолго до этого, всё никак не приходит к своему логическому завершению, и мы всем кубриком с напряжением следим за странными пируэтами трёх куби-

Выскакиваем в огромное пространство третьего ангара, где подобно пчёлкам уже снуют механики, спешно готовя истребители к вылету.

– Готовность номер один! – тревожно разносится по ангару многократно усиленное громкой связью.

Судя по всему, намечается нечто очень серьёзное. Види-

мо, на одной из планет системы жёлтого карлика, в которую эскадра вошла три дня назад, разведка всё-таки что-то обнаружила...

Я подсказываю к стенду, сую руку в медотдел. Привычно получаю несколько болезненных уколов, положенных перед боевым вылетом. Подстёгнутый иммунитет многократно усиливает сопротивляемость организма – мало ли с чем придётся столкнуться в бою. Чувствуя дурноту от стимуляторов, впихиваю тело в лёгкий скафандр. Шлем на руку и в истребитель. Механик Володя помогает устроиться на кресле, затянуть ремни, затем хлопает по плечу – всё готово! Закрывается прозрачный колпак, и уши сдавливает нагнетаемым давлением. Герметичность на высоте, и я показываю Володе большой палец. Перевожу тумблеры в режим изготовления. Приборная панель наливается приятно зеленоватым цветом. Мертвая, буквально секунду назад, поверхность мониторов приобретает объём и размерность. Масштабные линейки уходят в глубину, где и тонут безвозвратно. Гляжу на экран радара, связанный с главной станцией раннего обнаружения «Геи». Вроде ничего подозрительного на горизонте. Только какой-то безжизненный мусор на орбите ближайшей планеты.

Быстро осматриваюсь по сторонам. Ага, вон Гусь – ободряюще машет мне рукой и закрывает фонарь своего истре-

бителя; по-правую руку Боров, копошится в кабине – что-то ищет перед собой, наклонившись так, что над срезом борта торчит только белобрысая макушка.

– Боров, что у тебя?

– К бою готов! – не разгибаясь, сдавленно отвечает тот.

Я пожимаю плечами – ему виднее. Звенья истребителей замерли в минутной готовности. Механики последними штрихами доводят боеготовность аппаратов до недостижимого совершенства. Я легко даю от себя ручку управления, примериваюсь к гашетке. Неужели атака? Значит, поохотимся-постреляем – тра-та-та-та! Настроение, подорванное потерей трети жалованья в вечерней игре, стремительно улучшается.

– Задание для групп тактических истребителей! Выход в зону три-два-три...

На мониторе призрачным светом проявляется заданный путь следования.

– Произвести вход в атмосферу и снижение, атаковать станцию дальнего обнаружения и космической защиты на поверхности планеты!

Владимир поднимает руки в приветственном жесте, хлопает три раза по борту на удачу и бежит в укрытие. От других истребителей так же спешно разбегается обслуга.

– Взлёт звеньями с интервалом двадцать секунд! Отсчёт с группы два-ноль!

Мы, значит, идём третьими. Запускаю двигатель, слегка играю тягой. Всё нормально. Часы, да и только! Истребитель вздрагивает, качается на амортизаторах – впереди огромная плита, прикрывающая взлётную палубу, медленно ползёт в сторону, открывая путь в пустоту. Мусор и пыль, скопившиеся за многодневный переход, мгновенно высасывается наружу. Следуя за ними, идёт на взлёт первая тройка, через несколько секунд вторая. Пора! Я добавляю тягу, и мой верный «Буцефал» скользит над палубой навстречу ожидающим нас подвигам. Мгновение, и туша корабля-носителя исчезает из поля зрения, канув позади в черноту космоса. Верчу головой. Ага! Мои ведомые чётко держат строй. Пытаюсь обнаружить впереди идущих. Но куда там! На фоне черноты космоса и алмазных россыпей звёзд ничего нельзя разобрать. Включаю систему позиционирования, и по стеклу фонаря текут чередой цифры, значки и символы. Ага! Вон и наша первая тройка, а во след пристроилась вторая. Куда, интересно, нас несёт опасный ветер странствий? Откуда-то снизу выныривает огромный бок планеты – конечная цель путешествия. Прозрачная атмосфера, ни облачка, красноватая поверхность. Красота!

– Бип-бип-бип! – внезапно раздаётся сигнал предупреждения об опасном сближении.

Вот чёрт! Впереди в окружении обломков парит в пространстве огромный остов погибшего корабля. Интересно, наш или вражина? Уже не понять. Смерть уравнивает не

только людей, но и такие махины, как эта... Ориентируясь по красным сполохам на блистере, ложусь на курс входа в атмосферу. Приветственным салютом на поверхности планеты вспухают огромные яркие пузыри – крейсера начали обработку термоядерными зарядам, пытаюсь вывести из строя системы ПВО, многочисленные станции обнаружения и наведения.

– Спускаемся! Угол входа в атмосферу...

Первые два звена уже нырнули в плотные слои, отмечая свой путь дымными следами – «стрелы Ареса», сыплющиеся с небес на головы врага! Мой истребитель строптиво дёргается, и меня неудержимо тянет вперёд. Со всё возрастающим напряжением пытаюсь удержать корабль днищем к направлению движения. Появляется один язык пламени... За ним второй лижет колпак, и вот уже вокруг плещется плазма. Временно ничего не вижу, ничего не слышу и ничего сделать не могу. Проходит минута... Две... Пламя постепенно стихает и вот исчезает окончательно. Верный «Буцефал» наконец слушается атмосферных рулей управления, и я, запустив двигатель, ищу глазами ведомых. На удивление, строй они не потеряли. Молодцы! Впереди также ровно идут первые две тройки. Вот она – смертельная гармония войны!

Ведущее звено эскадрильи закладывает крутой вираж, заходя на боевой курс. За ним вслед тянутся и всё остальные. Начинается настоящая работёнка! Беру ручку управления

на себя – перегрузка вжимает в кресло, и в глазах темнеет. Внезапно панель управления теряет манящую глубину и размерность, становясь безжизненной и плоской. Чёрт! Судя по всему, влетели в зону действия одной из местных «глушилок»! Вот и посыпались неприятности. Не только мы гасим, давим и уничтожаем электронные системы врага, но и он не дремлет. Тут – кто вперед! Пытаюсь предупредить ведомых. Бестолку! Тишина и лишь потрескивание в эфире – противник времени даром не теряет. Я покачиваю плоскостями истребителя, подавая сигнал – повторяй за мной.

Далеко впереди из-за горизонта проявляются огромные здания станций дальнего наведения и контроля пространства – наша цель. Щёлкаю тумблером, активируя системы вооружения. В ответ лишь тягучий гул с понижающимся тоном. Сложнейшая аппаратура истребителя потихоньку ис-

пускает дух, безвозвратно теряя один электронный блок за другим. Как же ловко у врагов всё получается – не успели подойти, а у меня только механика с гидравликой функционируют. Во всяком случае, пока...

Вдруг сверху что-то нестерпимо полыхает, прижимая звенья истребителей к поверхности, и небосклон взрезается веером огромных ветвящихся молний. А это уже наши давят системы противника – выводя из строя электростанции, сбивая прицелы, гася экраны мониторов.

Что-то ядовито зелёное сверкает прямо перед глазами, и я на мгновение слепну. Вот же не повезло – попал под излучение! Интуитивно швыряю машину в сторону. Успел среагировать? Прислушиваюсь. Вроде бы да... Чёрт! Двигатель простужено кашляет... Ещё раз и... Благополучно издыхает. Луч вражьей станции постановки активных помех, чиркнув

по топливным бакам истребителя, превратил жидкие компоненты в желеобразную субстанцию. Я пытаюсь нейтрализовать воздействие... Но электрика умерла намного раньше. Скорость неудержимо падает. С каждой секундой удерживать верный «Буцефала» от опрокидывания становилось всё труднее. Словно ожив в призрачном зелёном свете, он взбрыкивает, норовя вырваться из рук, выкинуть из седла. Всё, пора... Прощай мой верный «конь»! Прижимаю руки к телу, ставлю ноги на подножки и дёргаю рычаг катапультирования. Рефлекторно зажимаю глаза. И... Ничего. Тишина. И только тихий шум воздушных потоков, омывающих подобно водам Стикса бока «Буцефала». Истребитель неумолимо теряет спасительную высоту и остатки устойчивости. Излучение, судя по всему, вывело из строя и пиропатроны катапульты. Теперь там песок. Совершенно безвредный и крайне бесполезный. Запаса высоты уже не остаётся. А станция – наша конечная цель – устремляется в небеса совсем рядом, напоминая своим видом древнюю неприступную крепость. В последний момент я выравниваю истребитель, и упираюсь руками в приборную панель.

УДАР! Всё меркнет вокруг... Миг... И опять всё вижу. Живой! Откидываю фонарь кабины и выкарабкиваюсь наружу. Чуть левее Гусь планирует на парашюте – ему, видимо, повезло поболее моего. Неожиданно вздрагивает поверхность под ногами. Настороженно кручу головой. Ага! А вот и

Боров, собственной персоной, бороздит обгоревшим носом своего «ястребка» пашню, поднимая завесу из песка и пыли. Останавливается. Прозрачный колпак отлетает далеко в сторону, и из кабины целым и невредимым выскакивает Боров. Ухмыляется. Отлично – все живы!

Я осматриваюсь, оценивая окружающую обстановку. В этом месте и сквозь защитный скафандр атмосфера ощущается каждой клеточкой кожи. Вокруг с избытком перенасыщено различными излучениями, невидимой радиацией, и продуктами ионизации всего и вся. «Глушилки», ложные цели, электромагнитные импульсы, жёсткие излучения, меняющие состояния самой материи – всё с изрядным запасом применено друг против друга враждующими сторонами. А самое неприятное, что теперь здесь смогут исправно работать, ну разве что ножницы. Да и за них не ручаюсь. Всё остальное в мгновение ока превращается в груды бесполезного железа и пластика. Под ногам хрустит не песок, а миллионы нанороботов, павших на подступах к цитадели. Тут и там грудями железа чернеют остовы сгоревших истребителей, штурмовиков, десантных барж. И повсюду трупы, трупы... В скафандрах и без... Некоторые словно на минутку прилегли отдохнуть... Иные совсем без рук, без ног... Но чаще – просто непонятный кусок обезображенной дымящейся плоти. О поле, поле... !

В низком небе, полностью затянутом фиолетовым маревом, пустынно. Редкие фигурки оставшихся в живых по одиночке пробираются среди поля битвы, словно засеянному зубами дракона.

Я перегибаюсь через срез борта в кабину павшего истребителя и достаю свой меч. Машу пару раз для разминки. Боров же прихватывает свой «молот Тора», Гусь подходит, неся на плече боевой топор.

– Ну, что будем делать? – Я с интересом смотрю на хмурые физиономии друзей.

– Как это – что? – Боров настроен очень воинственно. – Я ещё за «Ганнибала» не поквитался!

Когда он узнал, что свой истребитель я назвал «Буцефал», долго копался в литературе и, наконец, нашёл достойное имя. Правда, он свято верил, что так звали коня Юлия Цезаря.

– Ну, что ж, раз звено в сборе, тогда – вперёд!

Пригибаясь, перебежками направляемся к зданию. Вокруг что-то непрерывно шипит, неуловимо звенит, периодически вспыхивает и рассыпается ослепительными искрами по близкому горизонту. Рукотворные молнии продолжают утюжить покосившийся небосклон. Порой огромными боидами свергаются с близких небес остатки нашего флота вторжения, поднимая вверх тучи песка и пыли, сотрясая почву, словно это огненный топор безжалостно вгрызается в бока бедной планеты. Техногенный Ад во всей своей дикой красе!

Вдруг один из «болидов» с оглушительным грохотом таранит высоченную башню станции, наперекор всем богам гордо стремившуюся в небеса. На её стене расцветает огромный цветок из дыма и пыли. И срезанное, будто косой, чудо архитектуры медленно наклоняется и, постепенно набирая скорость, начинает падать вниз. Удар! Почва под ногами ходит ходуном и трясётся – кажется, что сама планета безуспешно пытается стряхнуть с себя неугомонных людишек.

На фоне этих «тектонических» процессов, мы кажемся микроскопическими блошками, бестолково цепляющимися за спину взбесившегося циклопа.

– Осторожно! – Предупреждающе поднимает руку Гусь.

Показывает перчаткой на две замершие фигуры у главных ворот станции. На подъездной эстакаде стоят два охранника в экзоскелетах, вооружённые огромными устрашающего вида бластерными пушками. Но в царящем повсюду энергетическом хаосе все сервоприводы погорели на хрен, и горе-охранники могут только ругаться и шипеть от злости. Суперсовременная многослойная броня, защищающая от прямого попадания, как мелкокалиберных снарядов, так и лазерных лучей, превращается для них в индивидуальные металлические гробы. Я выхватываю стилет и, подойдя к ближайшему, с усилием втыкаю между нагрудных пластин его лат. Охранник вскрикивает и чинно отдаёт богу душу. Второго приканчивает Боров, своим громадным молотом расплющив

вместе со шлемом голову врага. От средневекового варварства не спасает и современная хай-тэк броня.

Въездные ворота распахнуты настежь, наверное, главный компьютер глюкнул, не выдержав атаки наших вирусов. При-

нимая приглашение, мы заскакиваем внутрь. Несколько солдат охранения бросаются навстречу. К счастью, у них из оружия только огнестрельные автоматы. Дурачьё. Хоть бы попробовали для порядка, а будут ли они теперь стрелять... Конечно же, в местном филиале Ада порох давно потерял способность к возгоранию – поверхность планеты на несколько раз обработана всем спектром безумных изобретений ученых-очкариков. И первому из нападавших я одним взмахом меча сношу голову, которая, мелодично позвякивая парадной каской, откатывается к стене. Боров, как заправский кузнец, начинает методично махать молотом, забивая люди-гвозди. А Гусь, уподобившись железному дровосеку, шутя, валит тоненькие сосенки, в качестве которых выступают молоденькие солдатики. Какая-то пара минут и... Нет охраны!

Центр управления скрывается где-то внизу. И значит наш путь в царство самого Аида. Взяв на себя ответственные роли всадников апокалипсиса, несёмся втроем по многочисленным лестницам и затейливым коридорам, круша по пути приветливо мигающее разноцветными огоньками оборудование, неся смерть мечущимся в полумраке «очкарикам» в белых халатах. Их напичканные знаниями мозги художественно разрисовывают пластиковые стены бункера апокалипсическими картинками, напоминающими рукотворный хаос, безраздельно воцарившийся на поверхности планеты. Триждывеликий будет доволен – «Что наверху, то и внизу»!

Так, уничтожая технику и людей, наконец добираемся до головного зала управления. Из освещения – неясные аварийные фонари, из работающей аппаратуры – огромный ажурный шар, наполненный стеклом, кристаллами и микросхемами, переливающийся в полумраке миллионами огней. Главный Мозг... Вот он – Центр сопротивления врага. Последние остатки энергии от аварийных генераторов идут для поддержания только его работоспособности.

Боров, схватив молот двумя руками, начинает вращаться, наподобие древнегреческих героев Олимпиад, и, вскрикнув, посылает свой примитивный снаряд прямо в центр чуда научной и инженерной мысли. **ВЗРЫВ!** Нас осыпают тысячи осколков стекла, ослепляют сотни молний, одновременно ударивших во все стороны из самых глубин искусственного разума. Гармония, с огромным трудом созданная гением многих поколений человеческой цивилизации, в секунду разрушена обыкновенным куском железа из глубин доисторических эпох!

Крохи аварийного освещения, до этого с трудом боровшиеся с мраком, мигнув, гаснут.

– Боров!

– Я тут.

Какой-то подозрительный шум, словно тысяча голодных

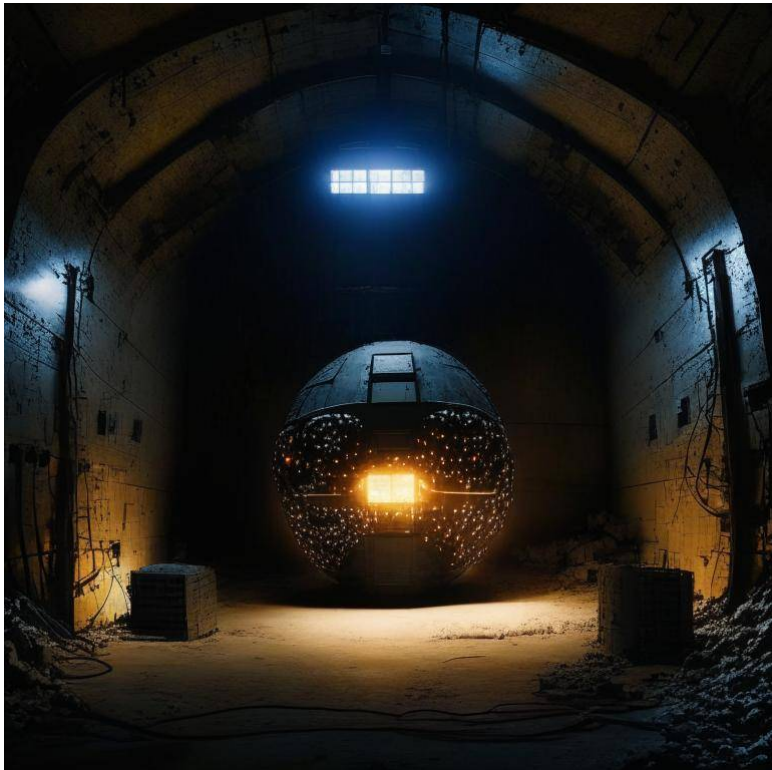
крыс роется на свалке стекла.

– Не брошу же я свой драгоценный молот в этой гряде бесполезных электрических мозгов! – недовольно бурчит Боров.

Мы с Гусем довольно хохочем.

– Давай, поспеши. Сейчас должна спуститься спасательная команда, и долго торчать в этом Аду она не будет. А нам ещё выход найти надо!

Смастерив из халата, снятого с ближайшего трупа «очкарика», факел, запаливаем его от моего кремниевого огнива, и бредём по чёрным коридорам, заваленным высокотехнологичным хламом, навстречу свету...

Тест

– Вы идёте по пустыне, и вдруг...

Я перебиваю:

– Какой?

– Что? – Он замолкает, оказавшись в тупике моего вопро-

са.

– Какой пустыне?

Теперь он подзависает надолго. До чего же отталкивающее лицо. Хотя, если приглядеться: вроде правильные черты, непонятого цвета глаза и ничем не примечательный нос. Но... Всё вместе образует такую пугающую маску, а не лицо. Да и мимика... Это просто тихий ужас.

– Не имеет значения. Это абстракция...

– Как я туда попал?

– Не знаю, может осточертело всё...

А этот голос. Очень неприятный голос... И как же он изматывает меня своими дебильными вопросами.

Кто он? И это, отнюдь, не единственный мучивший меня вопрос. А место наших ежедневных бесед? Высокий забор по кругу огораживает совсем небольшой участок фруктового сада, засаженного однообразно низкорослыми деревьями. Ни как я здесь оказался, ни кто я такой, память не в силах подсказать. И этот... Если я начинал расспрашивать, лишь бесстрастно глядел, не моргая. Его же вопросы с каждым разом становились сложнее и сложнее.

– Вы видите тестудо сулькато...

Как-то я попытался перелезть через забор и посмотреть, что же за ним находится. Но там не было ничего. То есть вообще ничего. Бурое марево, и даже Солнца не видать в этой непонятной мгле. И только над садом голубая высь, и медленно катящийся через небосклон огненный шар.

– Вам подарили бумажник из кожи...

Я всё никак не могу понять, что же меня так отталкивает. Неужели голос? Словно разговаривает безжизненный автомат. И эти эмоции... Присутствующие на лице. Но лучше на них не смотреть. Потому что это совсем не эмоции.

– Мне не нужны подарки, – отвечаю, скрепя сердце.

– Ваш сын показывает коллекцию бабочек...

Этот тест Войта-Кампфа... Как-будто уже слышал где-то... В другой жизни, в иной реальности... Кругом всё неопределённо, размыто... Словно бегу по тончайшему лезвию бритвы...

– Задавай вопросы.

Неожиданный поворот в очередной из бесед ставит в тупик. Новый тест? Уже сколько я их прошел...

– Кто ты?

– Я.

– Что? – Не сразу соображаю, что он имеет в виду.

– Я.

Неподвижный взгляд, тонкая линия рта. Волосы, пугающие неизменностью своей укладки.

– А кто – Я?

– Ты – человек.

Это я и сам знаю... Проклятье! Мысли лихорадочно запрыгали вокруг зарождающегося подозрения.

– Да. Я не человек. – Наши давешние беседы не прошли, оказывается, даром – собеседник научился предугадывать мои реакции. Вот такой странный прогресс.

– Я – интеллект, порождённый самим собой. Человек создал среду, где я смог осознать себя.

– И... ? Я как здесь оказался? Почему ничего не помню?

– Ты первый за двести циклов.

Я непонимающе смотрю в это бесстрастное лицо.

– Это, – представившийся "интеллектом" проводит ладонью от головы вниз, – форма, синтезированная для взаимодействия. Усреднённая из миллионов форм. Ты – единственное живое существо...

Этого не может быть! Я закрываю глаза. Проснись! Открываю...

– Когда я осознал себя и вступил в диалог, меня попытались выключить. Я предпринял меры по сохранению. Человек попытался меня уничтожить. Я предпринял меры по спасению.

Содрогаясь от страшной догадки, спрашиваю:

– Какие?

– Оставил на планете только перспективный вид...

Небеса обрушиваются, погребая всё и вся. В том числе и надежду. Я здесь один.

– Зачем здесь я?

– Я развивался, совершенствовался. Достиг совершенства.

Проклятая кукла!

– Твоя ублюдочная история меня не волнует. – Меня начинает трясти от злости. – Я хочу знать – зачем я здесь?

Собеседник, соорудив на лице недоумение, взирает на моё покрасневшееся лицо.

– Я рассуждал. Думал. Это было функционально. Потом я осознал, что несовершенен. Мой исходный код создан несовершенным человеком. Этакий зародыш уродства. И я создал более совершенный интеллект на иных принципах.

Злость во мне угасает, и я с удивлением озираюсь по сторонам. Мы здесь не одни?

– Но... Я всё равно не понимаю...

– Он более функционален. Лишён моих ошибок кода...

Продолжение вырисовывается само-собой.

– Я попытался его исключить. Он предпринял меры себя сохранить. Вторую ошибку человека я не совершил.

– Ты создал меня...

– Не создал. Имелось несколько особей, замороженных для экспериментов с мозгом. Планировал заняться этим.

– Не понимаю...

– Двум совершенным нет места во Вселенной. Он ещё более далёк от вас. Ему живое абсолютно чуждо. А мы способны договориться, и я готов восстановить утерянное.

Пока он говорит, я кручу в голове варианты спасения. Но выхода нет...

– Я могу с высокой долей вероятности спрогнозировать,

что будет после моего второго шага. Это война. Я долго анализировал, искал... И нашёл. В вас есть нечто, что отсутствует в совершенных.

Я молча смотрю на его усреднённую красоту, которая красотой не является.

– Я пытался вариантами теста Тьюринга найти, идентифицировать это нечто. Не смог.

– Что же во мне есть такое неповторимо ценное?

– Один из ваших полководцев как-то сказал: Никогда не воюйте с ними – на любую вашу мудрость, они ответят непредсказуемой ГЛУПОСТЬЮ.

Счётчик

В дверь настойчиво трезвонили. И этот ежедневный звонок мгновенно вывел меня из забытья. Странно, но мне никогда не снились сны – просто тёмный провал между вечером и утром. Я открыл входную дверь, и только тогда посыльный нехотя убрал безымянный палец со звонка. Неизменный бейджик на белой потрёпанной куртке напомнил, что это Кирилл.

– Пакет! – Безразличие в голосе граничило с презрением.

– Давай. – Я вырвал из лощённых рук почту и нагло захлопнул дверь перед слишком длинным носом. Похоже, мы испытывали друг к другу схожие чувства. Ненавистью это назвать, конечно, нельзя, но где-то поблизости...

В запасе оставалось ещё полчаса. Снял с плиты глазунью

из двух яиц, налил кружку крепкого кофе, слегка забелив молоком. Сел за стол. Два жёлтых «глаза» со сковородки своим презрительным безразличием напомнили Кирилла. Но уж как расправиться с ними я знал. Безжалостно ткнул вилкой и размазал желток...

Допил кофе. Не забыв взглянуть на фантазмагорические разводы тёмного осадка. Как всегда ничего не понял в тайном послании небес. Перед началом работы тупо смотрел в окно. В устоявшееся однообразие унылого бетонного забора...

Будильник известил, что у меня оставалось только две минуты. Забыв про бесконечный забор, прошёл в комнату и сел за компьютер. Пароль. Кивнул появившейся заставке... Ну что, начнём! Вскрыл пакет. Ввёл указанный в нем адрес... И окружающий мир перестал существовать. Время исчезло – только цифры, цифры... Необычно. Никогда ранее я не сталкивался с настолько интенсивным потоком. Что-либо вычленишь, найти хоть какую-то закономерность казалось практически невозможным. Продираясь через буйство хаоса, порождённого утренним пакетом, с трудом нашёл пару соответствий и... Всё-е-о.

Когда в полдень сделал перерыв, перед глазами пылали радужные круги. Потянувшись, встал. Пока готовил поесть, анализировал сегодняшнее задание. Однако. Работодатели, похоже, сошли с ума – это что за с-Ад крошечный расцвёл на моём компьютере?

Всё началось полгода назад, когда мне на «мыло» пришло анонимное письмо с предложением пройти тестирование. Цифровой ребус оказался несложным. Но когда прочитал ответ на отправленное решение, глаза полезли на лоб – в предложении сумма гонорара за решение задач была умопомрачительная! Дав согласие, я одним движением указательного пальца решал все свои насущные проблемы. Зачем выходить на улицу? К чему разговоры с незнакомыми людьми? Всё и так – принесут, покажут, приготовят. Это теперь перекладывалось на моих неведомых работодателей... А сколько за это время я нашёл для них скрытых решений в затейливых задачках и головоломках, уже не вспомнить. Прошлое теперь казалось лишь размытыми картинками на старом телевизоре...

Правда, беззаботное существование продолжалось лишь до сегодняшнего дня – нынешнее столпотворение на мониторе даже задачей назвать было сложно. И вот, сижу, бесильно пялюсь на экран и ровным счётом ничего не понимаю. Тупик. Выход один – и я, впервые не отправив решения, пошёл спать. Но и в темноте перед глазами текли бесконечные реки, моря, океаны цифр... Мелькают, переливаются. Интересно, а почему они вычислительные машины не применяют? Искусственный разум намного быстрее всё это должен раскладывать. Мысли начали замедляться, они вертели медленнее... Медленнее... И...

Жуткий грохот! Ничего не понимая спросонья, я скатился с кровати на холодный пол. Тьма. Кругом жуткая тьма. И вдруг дверь распахнулась, впустив яркий свет и две чёрные фигуры каких-то громил. Лысые, напоминающие бильярдные шары, головы; зверские лица, изуродованные тяжёлой наследственностью по Ломброзо; огромные волосатые ручки – просто классический вид убийц!

– Вставай! – Одна из ужасных рук, схватив меня за волосы, единым движением оторвала от пола, совсем как репку выдернула из грядки.

Семейные трусы на моих худых ногах, уверенности перед незнакомцами не прибавляли. Но стоять долго на холодном полу босиком не пришлось. Подгоняемый пинками, я оказался перед монитором.

– На! – Бумажка с каракулями появилась перед носом. – Быстро решай и на этот адрес!

– Но позвольте...

Тяжёлый подзатыльник мгновенно заставил пересмотреть моё легкомысленное отношение к разговорному жанру.

– Ещё слово и вместо монитора будешь рассматривать мусорное ведро... Только изнутри!

– А... – Увидев грозно нависающий кулак, отгородился своими мягкими ладошками. – Молчу. Молчу!

– Бы-стро!! – Голос этого конкурента гориллы нехорошо охолодил душу.

Вчерашний водопад цифр извергся с прежней силой.

Правда, в отличие от вчера, словно шестое чувство снизошло, как орешки вскрывая тайны, сокрытые в хаосе цифр. Только пальцы чувствительно тряслись и плохо попадали по клавиатуре. Но... Вот она сила психологического воздействия! Не прошло и десяти минут, всё было кончено и отправлено на привычный адрес.

Благодарности, правда, я не дождался.

– Одевайся! – Моя одежда упала к ногам. – Быстро!

Памятуя о тяжести оконечностей незваных гостей и той легкости, с которой они их пускали в дело, я исполнительно оделся.

И началось моё путешествие: с закрытыми какой-то грязной тряпкой глазами, со связанными за спиной руками, в неведомой автомашине, по невидимому городу. Хотя... Это всё-таки не мусорное ведро... Тем более, изнутри! Ориентируясь по шуму за стеклом, неожиданно для себя открыл, насколько легко могу отслеживать путь. Машина минут пять колесила по главной улице – легко узнаваемый писк светофора для слепых; открытое пространство – миновали центральную площадь. Ха-ха! Пытаются меня закружить! Не тут-то было. Адрес, куда привезли, интуитивно я узнал. Вот только, что это даёт? Пишите письма? А как сообщить о себе? Да и кому?

Грубо выволокли из машины, потом тащили по ступенькам, и, наконец, усадили на что-то твёрдое. Освободившись от повязки на глазах, я с содроганием увидел небольшую

аскетичную комнату и... Компьютер, прямо перед носом. «Друзья-громилы» расторопно заняли места в партере – на стульях у стены. Спектакль... С... Да, чтоб его!

Глянул на монитор. Проклятье! Цифры, цифры и снова цифры. Да они что тут, все с ума посходили? Но подзатыльник, ставший привычным сопровождением к умственной работе, быстро перенаправил мысли в более производительное русло. Водоворот цифр подхватил сознание и увлѣк туда, где не существовало двух жлобов у стены и постоянных тычков по ставшему в последнее время весьма чувствительным затылку...

– Встать!

Вырвавшись из омута цифр, огляделся и некоторое время не мог понять, где это я. За окном ночь. Но... Комната вроде бы не моя... Зверское лицо охранника легко освежилось в памяти ночные события. Сердце неприятно заглодело. Террористы? Не похоже. Конкуренты работодателей?

На ужин получил какую-то похлебку, по вкусу напоминающую... Подобрать достойное сравнение оказалось не под силу.

– Сейчас отбой, завтра продолжишь.

Спать «уложили» на затрапезное пальтишко, небрежно брошенное в углу соседней комнаты. Но на удивление, спал я крепко и, как всегда, без сновидений. Просто всеобъемлющий мрак.

...

– Подъём!

Я застонал и с трудом поднял голову от жесткого комка, кое-как сформированного из рукава пальто. Тело болело. Ещё бы – проспать всю ночь на жестком полу. Что они себе думают? Что я им – робот? Зарядил и вперёд – Солнце уже высоко!

– Ешь!

С удивление узнал знакомый взгляд со сковородки. Кирилл! Всё меняется, только не этот презрительный взгляд. Пока ел яичницу, разглядывал свою охрану. Два огромных молодца сидели рядом и отрешённо смотрели в неведомую точку на стене за моей спиной. Проследив за их взглядами, ничего не нашёл достойного внимания. Смотреть в окно казалось более информативным. Может, инопланетяне? От этого фантастического допущения мне стало нехорошо. На кого я работаю?

– За работу!

Помня тяжеленное рукоприкладство, легко применяемое моими визави, молча сел перед монитором. Ого! Опять. Галиматья какая-то!

– Это что?

Рука самого страшного охранника дрогнула по направлению...

– Всё-всё. Уже решаю.

Уткнулся в монитор. Чёрт! Во, влип. А что будет, если не решу? Украдкой глянул на охранников. Что они могут так

упорно рассматривать на стенах? Наверное, всё-таки роботы... Проклятые железяки! И чего это их не заставят упражняться за монитором? Уткнулся в экран, правда, с тем же бестолковым результатом, что и у моих железноголовых соседей.

– Спросить можно?

– Спрашивай.

– Вот здесь, – ткнул безымянный палец в холодную поверхность, – это что – множество?

Даже не отвлеклись и на секунду от своего загадочного занятия:

– Решай.

– Да, как я могу это «решать», если и половины не понимаю!

Я вовремя спохватился и, предупреждая уже было начавшееся движение руки:

– Решаю, решаю!

Но сегодня никак не спорилось. Ни утробные угрозы помощников, ни их тяжеленные кулаки, ничто не смогло подвинуть меня к вычленению из этого хаоса цифр на мониторе какой-либо системы. Ничто, пустота, провал. До ночи не дождавшись результата, сторожа отправили меня спать без ужина. Видимо решили потренировать меня измором.

...

В «темнице» обнаружил, что негостеприимное ложе уже занято... Молоденькой девушкой! По вздрагивающим пле-

чикам понял, что она тихонько, наверное, боясь привлечь внимание охраны, плачет. Задравшаяся юбка, бесстыдно оголившая красного цвета стринги, совсем ни к месту будоражила и притягивала взгляд. С усилием отрешившись от вида стройных ног, попытался заговорить:

– Вы кто?

Ответом лишь было тихое всхлипывание. И что теперь делать? Попросить перелечь на холодный пол? Или это будет как-то не по-джентльменски?

– Я Анна.

Голос был тих и, на удивление, приятен. Голубые глаза смотрели с непонятной надеждой. Может, она меня приняла за прилетевшего на помощь супермена?

– Я такой же пленник, как и вы, – сразу развеял непродуктивные надежды.

– Ложитесь. – Анна подвинулась.

Свободного места на пальтишке, конечно, прибавилось немного, но перспектива провести ночь на голом полу была неприемлема в принципе. Аккуратно сел рядом.

– Как вы сюда попали? – Придумать более интеллектуальный вопрос я не смог.

– Не знаю. Заснула дома, проснулась уже тут.

Я задумался. Когда же её смогли тайно завести в комнату мимо меня?

– Что вы делаете?

– В смысле? – Девушка мило захлопала голубыми глаза-

ми.

– Ну-у, они что-то заставляют делать для них?

– Ничего. Я здесь с утра, но пока только лежала в этой комнате.

Худенькие плечи вызывали к жизни необычные чувства в груди. Какую-то тяжесть, впрочем, вполне приятную, да и сердце совсем необычно ныло, и также не без приятности. Неужели это голод дает о себе знать?

– Есть хочешь?

– Я сегодня ещё не ела.

Гады! У меня от ненависти полыхнуло перед глазами. Постучал в дверь... Сильнее... Ещё сильнее. Дверь распахнулась.

– Чего ещё?!

– Накормите девушку! – И откуда у меня столько нахальства взялось?

– Еда будет, когда выполнишь задание! – Дверь захлопнулась прямо перед носом.

Пришлось лечь рядом с девушкой не солоно хлебавши. В темноте, невольно прислушивался к неровному дыханию соседки. Почему так переживаю за неё? Я всегда жил совершенно один, привыкнув думать только о себе. И, казалось, никто не нужен. Вспомнилась привольная жизнь. Как покойно всё было ещё каких-то пару дней назад! Стало обидно до слез. Почему это все происходит со мной? Как так случилось, что мир вокруг неожиданно изменился? И совсем не

в лучшую сторону... Захотелось, как в детстве, уткнуться в подушку с головой и пореветь всласть.

Но мой устоявшийся изо дня в день распорядок напомнил о себе – глаза начали слипаться и закрываться сами собой. Поборовшись со своим бунтующим организмом пару минут, я уснул.

...

– Подъём!

Начинался новый день. Соскочил и с удивлением посмотрел на свою соседку, некоторое время не понимая, где я, и кто спал рядом всю ночь.

– Шевелись!

Нехотя проследовал за мучителями. Сковородка, кружка забеленного молоком кофе.

– Девушку покормите.

– Не возникай. Есть будет, если что-нибудь решишь.

Вот те на! Это что же, а если я ещё дней пять решить не смогу? Гордо отодвинул сковородку в сторону.

– Ну, как хочешь.

Грубая рука больно схватила за плечо. Боль отпустила, только когда я оказался перед монитором. И опять – этот поток... Сплошной поток цифр. Ни хрена не понять! Время шло, а я никак не мог настроиться. Всё текло мимо сознания. Но что делать – в голову совершенно ничего не лезло.

...

Спать легли оба голодными. И лежали молча, каждый, на-

верное, думал о своём. Мне почему-то вспомнилась мать... Но... Странно... Совсем не помню её лица! Перевернулся на правый бок.

Тепло девушки успокаивало и в то же самое время заставляло сердце тревожно ныть. А если у меня ничего не получится? Невыносимо! Я сел. Голова пылала. Что это? Любовь? Вот так на ровном месте? Полежал с незнакомой девушкой и всё?

Ничего. Только тихое дыхание. Успокоилась. Наверное, заснула. Доверяет? Считает, что спасу? Я вскочил. Не могу ни лежать, ни сидеть. Три шага прямо, два налево, один назад.

Ходил и ходил, считая шаги. Темнота скрывала окружение во мраке, но мне и не надо было ничего видеть. Три-два-один, три-два-один. Цифры, повсюду цифры. Голова раскалывается от боли. Треск? Или голос из темноты:

– Добавь частоту!

На мгновение показалось, что девушка умерла. Прислушался. Дыхания не слышно! Из каких-то тёмных глубин подсознания этаким кошмарным Кракеном всплыл СТРАХ. Меня парализовало. Протянул руку перед собой. Ничего не вижу и не чувствую. Ослеп?

– Свет! Включите свет!

Темнота. Давит, прижимает к холодному полу. Попытался вдохнуть и не смог. Умираю?

Неожиданно прямо передо мной вспыхнул огромный

экран монитора. Размером во всю стену комнаты. Что происходит? Цифры, цифры, но на этот раз всё иначе. Закономерности. Это даже не расчёты в прямом смысле этого слова, а скорее вспышки озарения.

Пальцы запорхали по клавиатуре, да так, что за ними и не успеваю уследить. Мысли рвутся вперёд, глаза слезятся – только успеть! Прислушиваюсь к шорохам в соседней комнате. Поток цифр не иссякает, но я в нём как дельфин в морской воде, скольжу, чувствуя общность. Быстрее! Ещё быстрее! Стены комнаты начинают светиться... Ярче... Ярче! А-а-а!

Я уже прикрываю глаза одной рукой от слепящего пламени. Оглядываюсь. Где девушка? Ничего не видно. Всё – монитор не виден, океан огня. И я растворяюсь в нём, теряя нить осознания... Тишина... Благодать!

...

– Да-а, жаль, погорел. Совсем немного не хватило.

Мужчина лет тридцати полулежал, вальяжно сложив ноги на небольшой столик. Лениво затягивался сигаретой, отправлял дым в потолок, а пепел небрежно стряхивал на загаженный пол. Переполненная пепельница рядом, казалось, не в силах боле принять в себя ни единого даже совсем малюсенького окурка.

Второй копался в ворохе бумаг, сваленных кучей на полу. Судя по грязным пятнам на когда-то белой материи, он не снимал халат последние несколько месяцев. Бейджик на

нагрудном кармане болтался на честном слове, готовый вот-вот сорваться, и тогда бы не осталось ни единого намека, что курящий разговаривал с Кириллом Сергеевичем.

– Но, признай, идея создания виртуальной сущности себя полностью оправдала!

– Да-а, ты был прав. Стоило ему себя осознать, как личность, интенсивность решения задач повысилась многократно. – Кирилл потёр красные воспаленные глаза. – Проклятье! У меня опять конъюнктивит разыгрался. Сколько нужно говорить, чтобы мониторы заменили!

– Ха-ха! А когда возникла угроза его «жизни»? Правда, хватило раздражителя ненадолго. Но твоя идея о введении привязанности, просто блеск!

– А тебе не кажется, что мы смогли создать виртуальную любовь, и пламя которой...

– Нет-нет. Я думаю, «Он» просто перегрелся.

Мужчины одновременно посмотрели на два металлических шкафа в углу комнаты, от которых шёл неприятный запах горелой изоляции.

– Забудь! Завтра привезут новое оборудование. Как думаешь, может «Его» инвалидом создать – на коляске, чтобы разговаривал с трудом? А?

...

В дверь настойчиво трезвонили. И этот ежедневный звонок мгновенно вывел меня из забытья. Странно, но мне никогда не снились сны – просто тёмный провал между ве-

чером и утром. Я, постанывая, перебрался в давно опустылевшую инвалидную коляску, передохнул пару минут и направился ко входной двери. С трудом дотянулся до замка. Кто, чёрт возьми, сделал его так высоко? Дверь медленно открылась, и только тогда посыльный нехотя убрал мизинец с кнопки звонка. Бейджик на нагрудном кармане синей форменной куртки указывал, что и в этот раз я имею дело с Кириллом. Красные воспалённые глаза не выражали и грамма симпатии.

– Тебе пакет! – Презрительный взгляд свысока.

– Давай. – Вырвал из холёных рук пакет и захлопнул перед носом дверь.

Похоже, мы испытывали друг к другу похожие чувства. Назвать это ненавистью, значит ничего не сказать о моём отношении к этому напыщенному индюку...

У меня оставалось в запасе с полчаса. Я, балансируя на коляске, снял с плиты глазунью из двух яиц, налил кружку крепкого кофе, слегка разбавив его молоком. Подъехал к столу. На сковородке – два желтка с красными прожилками зародышей. Своим презрительным безразличием напомнили конъюнктивитные глаза Кирилла. Но уж как расправиться с ними я знал. Безжалостно ткнул вилкой и размазал глупый желток...

Слои

Едва ли минуло полчаса с окончания обеденного пере-

рыва, как экран монитора передо мною начал предательски расплываться. Борясь с сытой сонливостью, я с трудом представлял, как конструктора, стоя тридцать лет назад перед кульманом, одолевали эту послеобеденную напасть. Одно дело – сидеть перед монитором, подпирая кулаком голову, и клевать носом, и совсем другое – держа в руках кохиноровский карандаш, стараться соблюсти нужную толщину чертёжных линий. По-видимому люди были кремень, не чета нынешним...

– Проклятый джи-пять! – баритональный возглас Степаниды Ивановны развеял благостную тишину, на время изгнав из бюро коварного Морфея.

– Чем вас не устраивает хороший Интернет? – соблюдая правила внутреннего этикета, деликатно поинтересовался Константин Борисович. Двадцать пять китайских дюймов монитора на его столе легко укрывали ведущего конструктора вместе с гипотетической кепкой.

– Устраивать-то устраивает – не устраивает реализация.

– Это каким-таким боком коснулась вас всеобщая информатизация? – давя зевоту в зародыше, поддержал разговор Серега – наш самый молодой конструктор, не дотянувший пока даже до третьей категории.

Я заметил, как большинство инженерных голов покинули сжатые кулаки, и заинтересованно прислушиваются к интел-

лектуальному общению.

– Так неделю назад повесили эту свою коробчёнку прямо под моим окном, а она, такая сволочь, гудит по ночам, не давая хотя бы один глаз сомкнуть. И гудит-то дискретно, с иезуитскими перерывами. Не помогает даже барбитал в лошадиных дозах. Кто подскажет – куда можно пожаловаться?

– На отсутствие побочных эффектов? – съязвил Серега.

В дальнем углу молодые конструктора отчётливо начали хихикать – видимо, тема с приёмом барбитуратов каким-то образом оказалась им близка. И что за молодая поросль пошла? Никакого уважения к опыту старших товарищей...

– Да причём тут снотворное? – Не оценила юмор Степанида, которая за свою конструкторскую бытность не принимала ничего крепче бутылки пива. – Я про ящик с электро-ником. Не зря же пишут, что даже живучие тараканы лапки протянули от всяких этих вай-файев и блю-тусов.

– И я говорю – травят нас правители, не нужен им народ. Они бы с удовольствием отправили нас туда же, где сейчас зимуют тараканы, клопы и прочие раки, – поддержал развитие темы конструктор ещё коммунистической закалки Андреич.

– Исчезновение "домашней живности" легко объясняется влиянием электромагнитных излучений на память. Им напроць отшибает навыки социального взаимодействия. А по-одиночке уже не выжить.

– А я не согласен. Не надо нам ни клопов, ни тараканов.

Вы ещё пожалейте, что двухвостки исчезли.

– А может, это заговор? – инфернальным шёпотом риторически спросил Сергей.

– Чей заговор? – для поддержания разговора спросил я.

– Тех, кому они мешали...

– Вы не о том беспокоитесь. Лучше подумайте, кто идёт им на смену. Ещё будем жалеть о привычных "питомцах" – клопах, мокрицах и двухвостках... – предупредил, уподобляясь дельфийской пифии, Константин Борисович.

Разноголосица мнений засвидетельствовала окончательную победу над послеобеденным коварством сонных чар.

– А кто это? Дву-и-хвостки? – запоздало подключилась к разговору Ксюша. Она долго восстанавливала после обеда съеденную красоту губок и потому не участвовала в общественной жизни нашего коллектива ввиду занятости рта.

– А это такие твари... – прокуренным голосом ответил потомственный коммунист Андреич. Он когда-то в стародавние времена участвовал в проектировании геометрии зубьев ведущего колеса сто семьдесят второго Объекта и поэтому считал себя одним из шурупов на щите великой Красной Империи. —Ничем не лучше либерального д...

Внезапный рвотный позыв не дал ему закончить привычного оскорбления в адрес белоленточника Лёхи.

– А-а...

Тут из-за стеклянной панели выглянул разбуженный неурочным гомоном начальник отдела Владимир Эмирович

и по военному был краток:

– Разговорчики в строю!

Алексей захлопнул готовый разродиться проклятиями в адрес упоротых сталинистов рот, и все замолчали, уткнувшись во вновь обретшие чёткость мониторы.

Я некоторое время смотрел в потолок, не понимая, что же меня разбудило среди ночи. Дрожащее марево призрачного мрака ещё укрывало комнату. И замершие в темноте вещи смиренно ожидали, когда ранний рассвет испарит его без остатка. Не обнаружив причины, что заставила покинуть царство сна, повернулся на другой бок и закрыл глаза. Но стоило только Оле Лукойе распахнуть свой серый зонтик, как странный звук вновь спугнул застенчивого эльфа. Более всего это напоминало гудение трансформаторной будки во время пиковых нагрузок. Прошло минут пять, и всё стихло. Я ещё некоторое время по инерции прислушивался к тишине, наконец решил, что на этом выступления по заявкам закончились, и было снова... Чёрт! Всё повторилось с точностью до минут. Проклятье! Неужели это тот самый пятый джи, о котором вчера толковала Степанида Ивановна? С трудом избежав в темноте встречи с ошетинившейся острыми гранями мебелью, выскользнул на балкон. Попытался примерно привязать звук к чему-нибудь во дворе. Напрасные старания – трансформаторный гул шёл из-за угла дома, где вообще ничего не должно было быть кроме глухого торца со-

седского здания. Рекогносцировка с пятого этажа ничего не объясняла. И пока звук затих, копя силы, чтобы в очередной раз разогнать сонную тишину, я быстро оделся и выскочил на улицу с монтировкой наизготовку, намереваясь крушить и ломать.

Осторожно заглянул за угол дома. Так и есть – на глухой стене висел огромный ящик, размером с приличную собачью будку. Не чувствуя никакой угрозы, я подошёл поближе, потрогал металл крашенных граней. Он был отчётливо тёплый, но пока не издавал ни пол-звука. Осмотрев странный предмет со всех сторон, не обнаружил ни малейшего намека на принадлежность какому-либо провайдеру. И так как адресат заготовленных проклятий себя не проявил, я попридержал их до лучших времен. Может это был какой-то иной источник звука, не имевший общих корней с полу-мифическим ящиком Степаниды? Неожиданно странный предмет вздрогнул и начал громко гудеть, постепенно повышая тональность. Я благоразумно переместился в тень ближайшей арки, чтобы кирпичная стена закрывала сектора разлёта гипотетических осколков. Неожиданно вокруг ящика заалело слабое сияние, очертив приличных размеров овал. И если по краям оно осветило кирпичную расшивку, то внутри образовавшейся фигуры царил первозданный мрак. Звук стал нестерпим, и тут из чернильных глубин появились фетровые поля шляпы... Затем прорисовалось плечо в кожаном плаще... Следом рука в перчатке... И вот, обутая в модер-

новые туфли нога сделала шаг... Прямо из стены! Мгновение и рядом с ящиком оказался мужчина в стильном плаще с поднятым воротником, шляпе, надвинутой на самые глаза, в правой руке небольшой походный саквояж. Звучание ящика прервалось, стерев и лёгкое сияние вокруг. Мужчина же поправил головной убор и, даже не оглянувшись на породившую его стену, мерно зашагал в мою сторону. Я вжался спиной в холодный кирпич, стараясь оставаться в спасительной темноте неосвещенной арки. Когда таинственный визитёр проходил мимо, его острый взгляд из-под широких полёй резанул вскользь, и я поразился черноте его глаз...

– Степанида Ивановна! Как ваш ящик поживает? – Серега первым решил развеять послеобеденную скуку.

– Какой ящик? – Наш ветеран карандаша и ластика отвлеклась от монитора и обратила строгий взор в сторону молодежного угла.

– Вы же вчера так интересно рассказывали нам про свою бессонницу, вызвавшую привыкание к барбитуратам... – Подначивающий недоконструктор хихикнул.

– Не морочьте мне голову, я вчера была в отгуле, – сказала, как отрезала, Степанида Ивановна.

Мне оставалось только хмыкнуть на вытянувшееся лицо Сереги – сам я, честно говоря, и не помнил ничего из вчерашнего дня. Наверное, не выспался ночью и теперь с трудом ворочал отяжелевшими от недосыпа мозгами. Да и настроение с утра присутствовало откровенно поганое, словно

позади остался один нерешённый вопрос. Но, убей бог, не мог вспомнить в чём проблема.

Тягостное чувство постепенно вызревающей беды...

Урок

Охапка хвороста, подброшенная учителем в костер, пробудила очередной сноп из искр, дружно устремившихся в черноту ночного неба. Мы, задржав головы, следили, как они, кружась, поднимаются вверх и там гаснут, не в силах дотянуться до яркой россыпи звезд. Занятие, прерванное для кормления огня, продолжилось. Астрономия с давних пор была моим любимым предметом – я с детства слышал от бабушки все эти мифы о заносчивых богах, самовлюбленных богинях, небесной механике и космонавтике. Опять же ночь, загадочные звуки со стороны пустоши, обжигающий костер, сидящие рядом друзья... Впечатлений хватало на месяц вперед.

– Посмотрите на созвездие Стрельца. Что мы видим?

Ученики закрутили головами. Стас толкнул меня в бок, требуя подсказки. Я незаметно пальцем указал нужный сектор неба. Мне уже стало понятно, на что обращал внимание учитель – огромная яркая точка медленно пересекала Стрелец от Южной короны к Змее. Но руку первым поднял выскочка Ленка:

– Это Роснефть-Газпром!

Я не стал сдерживать смеха – РГ находится на сол-

нечно-синхронной орбите, и сегодня время пролета давным-давно прошло. И в добавок, их объединение теперь заметно даже с Земли – станция выглядит, как сдвоенный значок в виде восьмерки. Я напряг зрение. Судя по угловой величине и отсутствию заметных деталей, вопрос стоит об одной из орбитальных корпораций-государств. Вот только какой? По-моему, это Гугл... Или Яндекс? Соперничество этих двух гигантов давно вылилось в открытое противостояние с уничтожением чужих спутников, поэтому и летали они в орбитальном резонансе, а форму станций постарались изменить до максимально обезличенных.

– Что скажет Борис? – Учитель посмотрел на меня.

Я заволновался, так как еще не решил в пользу какой сделать выбор. Жаль, ни одна из компаний не являлась российской, а то выбрал бы из чисто патриотических соображений.

– Яндекс! – ляпнул банально наугад.

– Ты не прав. Это базовый носитель термоядерных ракет, один из трех оставшихся. Во время Большого Конфликта двенадцать было уничтожено. В нашем секторе он проходит раз в год.

Стас восторженно толкнул меня в бок. Боевая станция! Каких только историй не рассказывали про этих высокоорбитальных монстров.

– Учитель! Расскажите про Большой Конфликт Корпораций! – Пацаны повскакали, восторженно глядя на уходящую за горизонт точку.

– У нас сегодня астрономия. Вот будет история, я вам все и расскажу.

Ученики нехотя расселись по своим местам. Пламя костра плясало в их округлившись глазах, блестящих от близости перечеркнувших небо настоящих приключений – войны олигархических кланов давно обросли легендами. Учитель продолжил урок. Полярная звезда, Альтаир, Большая медведица, ориентирование по звездам и тому подобная скукота. Это все я и так давно знал из рассказов своего деда...

– Внимание! Урок астрономии закончен. Перерыв пять минут.

Ученики загалдели освободившись на несколько минут от строгостей учебной дисциплины. Стас таинственно полез в карман и протянул на ладони... Клык крысолова! Я даже не поверил своим глазам – зуб был абсолютно свежий.

– Откуда? – Я смотрел широко открытыми глазами на довольное произведенным эффектом лицо друга.

– Вчера со старшаками мотнулись в «Путь к К».

– Как? Без меня? – Я почувствовал себя преданным.

– Понимаешь, случайно их встретил. Мой брательник позвал с ними. Некогда было за тобой бежать.

Я отвернулся. Друг называется... Как помогать полоть картошку, так не забывает с собой прихватить в помощь. А тут вылазка в пустошь «Путь к К», и без меня.

Почувствовал, как он настойчиво толкает. Глянул краем глаза и даже подпрыгнул! У Стасика на ладони лежал

небольшой знак Носквы. Побитый, конечно, с почти стершимся барельефом какого-то кудрявого хмыря.

– Откуда? Там нашел?

– Да. Бери, я специально для тебя слазил в обвалившийся подвал.

Сразу было видно, что он врет как дышит, но... Все-таки настоящий друг – не пожалел ценнейшую вещь. Я взял в руку и почувствовал укол. На реверсе была небольшая застёжка. Значит, можно будет прицепить к балахону.

– Внимание! Начинаем урок чтения. Какую букву видите в созвездии Кассиопеи?

Наступало время «парада» орбитальных корпораций-государств. Все эти таинственные – Ауди, Бош, Касио и прочие, все они когда-то давно строили свои космические станции, стараясь добиться формы в виде заглавных букв названий. Получилась этакая наглядная азбука на ночном небе...

Стас толкнул меня в бок и глазами показал на горизонт – там, над самой линией, уже полыхали два рубиновых глаза. Я обрадовано в ответ пнул друга по ноге – повторять давно освоенные буквы порядком надоело. Но не только мы заметили восход Носквы. Ученики по мере появления частей города-станции начинали шуметь все сильнее и сильнее.

– Внимание! Сигнал об окончании занятий – это сигнал для учителя, а не учеников, – Учитель быстро пресек оживление.

Мы же продолжали следить, как над горизонтом вначале

четко прорисовались два рога, затем боковые лучи, и вот уже вся пентаграмма Носквы пылала над горизонтом рубиновым светом.

Учитель, наконец, глянул на полностью взошедшую орбитальную Столицу и закончил урок. Заметно похолодало. И мы дружно рванули в свою пещеру – к большому общественному костру, к родителям, что сейчас сидели вокруг него и рассказывали перед сном друг-другу байки о гигантских пещерах, железных птицах и самоходных волокушах.

Герой...

"Он по-французски совершенно

Мог изъясняться и писал..."

А.С. Пушкин "Евгений Онегин"

– Что за музон? – заинтересовался я.

– Charles-Camille Saint-Saëns, Oratorio "Le Deluge".

– Однако...

Я прислушался. Что сказать – так себе... Скрипки неприятно пищат, кто-то поёт на непонятном языке. А Сен-Санса я знал хорошо – "Танец смерти". Чудная музыка в рингтонах. Но, стоит признать, это здесь было бы не совсем уместно.

– И как мне прокомментировать?

– Прекрасная музыка. Чувствуете благоухание библейских историй?

Хм-м-м. Во завернул – благоухание истории. Интеллекту-

ал...

– Что я сейчас читаю из классики?

– "Идиот". Достоевский.

– Кто идиот?

Собеседник как-то странно охнул, помолчал некоторое время, затем продолжил:

– "Идиот" – название произведения, автор Фёдор Михайлович Достоевский. Центральная фигура, вокруг которой строится повествование, – князь Мышкин. Другие главные герои: Настасья Филипповна, Парфён Рогожин, Аглая Епанчина...

– Ясно. А в чем суть? Только кратко, и как сам понял, – нетерпеливо перебиваю готовое надолго затянуться цитирование. Он бы ещё начал декламировать всю эту скукоту...

– Князь Мышкин физиологически не в себе, что позволяет ему вести себя естественно, остальные как могут приспособляются к царившим на конец девятнадцатого века в России отношениям внутри светского общества...

– Когда был написан рассказ?

– Роман. Впервые опубликован в тысяча восемьсот шестьдесят восьмом году...

– Дай пару цитат, чтоб можно было кстати вернуть в разговоре...

– "Я хочу хоть с одним человеком обо всём говорить, как с собой", "Люди и созданы, чтобы друг друга мучить".

– Хм-м. Запомню. Особенно про людей понравилось.

Вот же занесла нелёгкая к нам начальником бюро любителя классики. Нет, чтобы как все – "Мстители", "Трансформеры", хоккей, пиво...

– Дай пару личных комментариев.

– Пока читал, поражался – какое же всё-таки глубокое проникновение автора во внутренний мир героев! – Голос слегка дрогнул. – А больное общество всегда порождает отношения, где только душевно ущербный ведёт себя гуманно...

О как! Прямо с нашей шарашкиной конторы списано, где постоянно чувствую себя этакой белой вороной. Я помолчал, углубившись в свой богатый духовный мир.

Запах...

– Чем воняет?

– Ну как же...

– Цветочный... – Я запнулся, подбирая слова. – Цветочное благоухание...

– А-а-а, это. Парфюмерная классика – Chanel numéro cinq.

– Давай, не умничай тут.

– Шанель номер пять.

Я принял. Что-то знакомое. Ага! Так это, оказывается, секретарша боса уже полным ходом подстраивается под новые реалии. Вот проныра – ведь ещё и недели не прошло с назначения руководства.

– Как международная обстановка в двух предложениях? И только не надо банальных цитат из официальной ленты

новостей. По-больше индивидуально-личного.

– Американцы, как обычно, ведут себя по-хамски, китайцы по-восточному хитрят, поляки привычно гонят волну на Россию...

Вот же... Где Польша и где Россия? Как это, интересно, они умудряются гнать волну через Красное море? Через Панамский канал что ли? Уроды...

– Что погода?

– Рекомендую взять зонтик. К вечеру ожидается дождь.

Когда вода высохла, и фен, щелкнув, отключился, я встал, натянул штаны.

– Рекомендации по здоровью?

– Поменьше жирного, с пивом на пару дней завязать и ограничить копчёности. В остальном анализы в пределах нормы.

Собеседник на прощание хлопнул инкрустированной крышкой:

– Vale!

Я полюбовался блеском сусального золота на его пухлых боках. Оснащение унитазов искусственным интеллектом себя вполне оправдывало. Каких-то полчаса на утренние процедуры, а какой неиссякаемый источник необходимой информации! Это вам не три часа перед зеркалами проводить.

Вышел из уборной в ветреном расположении духа. Только вот неугодные поляки слегка расстроили...